

стороны: активная ставка на солнце и ветер в ущерб остальным источникам на данный момент небезопасна и чревата ростом инфляции из-за роста цен на электроэнергию. В третьих, Макрону давно припоминают поддержку продажи энергетического подразделения компании Alstom американской General Electric еще в 2015 году. Тогда, будучи министром экономики Франции, он активно лоббировал сделку, которая в итоге привела к сокращению рабочих мест. Поэтому «атомный ренессанс» Макрона может быть направлен и на создание рабочих мест в сфере энергетики, считает эксперт.

В итоге среди французских элит сложился некий ядерный консенсус: развитие АЭС поддерживает и третий из проходных кандидатов в президентской гонке — правоцентристка Валери Пекресс. Сейчас, в преддверии выборов, во Франции ведутся скорее споры об идеальном балансе между ядерной энергией и возобновляемыми источниками энергии, отмечает партнер парижского адвокат-

ского бюро Belimy Avocats Юлия Королева. По ее словам, отдельные политические группы — например, «зеленые» партии и некоторые коалиции на крайнем левом фланге — выступают в пользу ускоренного прекращения ядерной программы, но они не в большинстве.

Эта позиция Франции, безусловно, оказала серьезное влияние на дискуссию вокруг европейской «зеленой» таксономии. А окончательное решение, по мнению Руслана Груздева, сформировали реалии энергетического кризиса: «Последние события показали, что энергетическую безопасность стран Евросоюза можно обеспечить только за счет более широкого круга инструментов. Атомная энергия должна входить в этот круг, так как ее использование позволяет сократить выбросы в рамках европейской «зеленой» программы. К тому же страны Евросоюза пытаются сократить использование угля, что сделать крайне сложно без газа и атомной энергии. Если не расширить порт-

фель энергоносителей, вряд ли получится подтолкнуть к отказу от угля, например, Польшу. Важно и то, что новое правительство Германии сдвинуло сроки по отказу от угля с 2038-го на 2030 год. Поэтому причисление газа и атома к «зеленой» энергетике может говорить прежде всего о том, что победу одержали умеренные силы, которые считают, что радикальная ставка только на возобновляемые источники в ближайшее время себя не оправдает, но может способствовать различным рискам для экономики».

Однако, признает Груздев, недовольных таким решением немало. Против него выступают Испания, Австрия, Люксембург и Дания, считающие, что таксономия в ее итоговом виде является шагом назад от «зеленой» энергетики, а в Германии такой же позиции будут активно придерживаться «зеленые». Поэтому, судя по всему, Евросоюз ждет дальнейшее длительное противостояние и на общеевропейском уровне, и на уровне отдельных стран.

ИТОГОВАЯ КОНФИГУРАЦИЯ «ЗЕЛеной» ТАКСОНОМИИ ЕВРОСОЮЗА НЕИДЕАЛЬНА, НО БЛАГОПРИЯТНА ДЛЯ РОССИЙСКОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА, А ТАКЖЕ БУДЕТ СПОСОБСТВОВАТЬ РАЗВИТИЮ ВОДОРОДНЫХ ПРОЕКТОВ, СЧИТАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ ФОНДА CREON CAPITAL ФАРЕС КИЛЬЗИЕ.

Фарес Кильзие:

«Конфликт между экологами и энергетическим сообществом усилится»

«НИК»: *Поставлена ли, по вашему мнению, последняя точка в дискуссии о включении газовых и атомных проектов в «зеленую» таксономию Евросоюза? Можно ли ожидать, что борьба двух групп стран — под руководством Франции и под руководством Германии*

— будет продолжаться, а критерии устойчивости энергетических проектов Евросоюза еще будут меняться?

— Включение в таксономию ядерной энергетики однозначно дает хорошую основу для «атомного ренессанса» в Европе. Но нужно

учитывать, что экологические организации по-прежнему считают атом неустойчивым решением для развития энергетики. Ряд организаций, такие как Greenpeace, очень критично относятся к «атомному ренессансу» и сделают все возможное, чтобы

не допустить окончательного признания атомной энергии в «зеленой» таксономии. Поэтому, с одной стороны, атомная отрасль Евросоюза так или иначе получит дополнительную поддержку, отказаться от нее будет невозможно. С другой стороны, конфликт между экологами и энергетическим сообществом усилится. Мы это знаем от наших партнеров из Фонда дикой природы (WWF), с которыми составляем Рейтинг открытости экологической информации нефтегазовых компаний.

Газ же воспринимается Евросоюзом как переходный энергоноситель в процессе движения к устойчивой энергетике, и эту позицию отстаивает не только Германия, но и Италия. В газе заинтересованы все европейские страны с менее развитой атомной энергетикой, чем во Франции. И чтобы защитить свои газовые интересы перед французами, эти страны, естественно, кивают на Германию. Такая конфигурация «зеленой» таксономии Евросоюза означает, что Россия в любом случае оказывается в выигрышном положении как единственная в Евразии страна, обладающая колоссальным ядерным потенциалом и значительными ресурсами газа.

«НИК»: *Какую роль в дискуссии о «зеленой» таксономии сыграли институциональные инвесторы, которые все чаще обозначают свою позицию по поводу финансирования проектов в энергетике, демонстративно отказываясь, например, от вложений в нефтегазовые компании? С другой стороны, известно, что крупнейшие банки продолжают вкладывать десятки миллиардов долларов в ископаемое топливо. Насколько учитывалась позиция финансовых кругов в принятии европейского решения в пользу газа и атомной энергетики?*

— После запуска европейской «Зеленой сделки» сформировались две четкие группы финансовых институтов. Банки и фонды первой группы будут финансировать проекты исключительно в русле повестки ESG и «зеленой» экономики, вторая же группа продолжит работу с традиционной энергетикой, без которой достигнуть «зеленых» целей не получится. Но две эти группы не конкурируют и не конфликтуют между собой,

а дополняют друг друга, идя параллельным курсом. Одно не исключает другое, поэтому наш фонд Seop Capital в Люксембурге работает и с «зелеными», и с традиционными (газовыми) проектами.

«НИК»: *Добавляет ли включение атомной энергетике в «зеленую» таксономию политических очков президенту Франции Эмманюэлю Макрону, которому вскоре предстоит непростые выборы?*

— К сожалению, во Франции уже произошло значительное отставание инвестиций в атомную энергетику, хотя виноват в этом, конечно, не Макрон: проблемы копились десятилетиями, и свою лепту в их появление внесло давление со стороны «зеленых». Макрон, безусловно, пытается получить поддержку ядерного лобби во Франции, именно поэтому он так активно продвигал включение атомной энергетике в таксономию. Но поможет ли победа на этом фронте Макрону на выборах, неизвестно: во Франции есть масса других проблем, помимо атомной энергетике. Макрон, конечно, разыгрывает атомную карту в преддверии выборов, но пока их итог непонятен.

«НИК»: *Какое влияние «зеленая» таксономия будет оказывать на принятие инвестиционных решений? Судя по финансовым результатам крупнейших европейских нефтегазовых компаний за прошлый год, инвестиции в новые нефтегазовые проекты обещают им прекрасную доходность и без оглядки на «зеленые» аспекты.*

— Очевидно, доходность — это первое, что интересует инвестора. Но теперь включаются факторы нефинансовой отчетности, которые раньше не принимались в расчет: например, ориентация компаний на устойчивое развитие или наличие продуманной стратегии по достижению углеродной нейтральности, поскольку изменения климата сегодня затрагивают всех. Для очень крупных финансовых институтов доходность более не является абсолютным приоритетом. Поэтому сейчас весь мир пытается найти способы, как компенсировать снижение доходности ради спасения от неконтролируемых климатических изменений. Единственный спо-

соб компенсировать это снижение — продажа сертификатов CO₂ через механизмы трансграничного углеродного регулирования наподобие CBAM в Евросоюзе. Именно поэтому мы еще с 2005 года пытаемся донести до наших партнеров и клиентов, что только запуск в России механизма торговли квотами CO₂ и его полная гармонизация с европейской системой EU ETS (Emission Trading System) сможет обеспечить дополнительную доходность.

«НИК»: *Для каких европейских проектов в энергетике «зеленая» таксономия станет первоочередным стимулом? Ускорит ли она какие-то инвестиционные решения?*

— Больше всех остальных направлений выиграет водород как более экологичный и универсальный продукт, который сможет дополнить арсенал традиционных энергоносителей. Задача водорода заключается именно в этом, а не в том, чтобы заменить какие-то виды топлива. Кроме того, «зеленый» водород — это полуконечный продукт ветряной и солнечной энергетике, который должен монетизировать ее излишки. Поэтому значительная часть усилий и финансовых потоков благодаря «зеленой» таксономии пойдет в развитие водородных проектов.

И от этого опять же выиграет Россия. Водород в нашей стране — это далеко не новый продукт, он давно присутствует в производственных цепочках нефтегазохимических производств. Поэтому Россия сможет производить и поставлять водород любой международной классификации: «желтый», «голубой», «бирюзовый», «серый» или «зеленый». Однако пока на международном энергорынке не появится крупный якорный партнер по российскому водороду, тема будет оставаться «крайне перспективной», но нерентабельной из-за отсутствия устойчивого спроса. Так будет до тех пор, пока у нас не появится исчерпывающее понимание, какие регионы мира будут развивать локальное производство водорода, как они будут его транспортировать и какие дополнительные объемы российского водорода им потребуются.